

Евгений Лукин

Бытиё наше дырчатое

Часть сборника
Бытие наше дырчатое (сборник)

Лыцк, Баклужино, Суслов

Евгений Лукин

Бытиё наше дырчатое

«Автор»

2007

Лукин Е. Ю.

Бытиё наше дырчатое / Е. Ю. Лукин — «Автор», 2007 — (Льцк, Баклужино, Суслов)

«Нет-нет, речь пойдёт вовсе не о милиционере славянской национальности. Термином «белый мусор» баклужинские изобретатели-самородки именуют материальный аналог белого шума, видимо, путая его с чистым шумом, отчего, впрочем, суть явления нисколько не меняется. Что такое чистый шум? Если верить тем же самородкам, это особым образом взбаламученный поток информации, из которого человек с воображением способен извлечь всё что угодно: от эпохального открытия до гениального произведения. Взять, к примеру, оригинал шекспировского «Гамлета». Хаотическое нагромождение текста, переходящее местами в абракадабру. Однако достаточно посмотреть сноски – и нечленораздельная, на первый взгляд, строка (скорее всего, ошибка наборщика) волшебным образом проясняется, обнаруживая даже не один, а сразу несколько глубоких, хотя и взаимоисключающих смыслов...»

© Лукин Е. Ю., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1. Белый мусор	6
Глава 2. Отрицалы и положиы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Евгений Лукин

Бытиё наше дырчатое

© Лукин Е. Ю.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Мёртвая бабочка – и такие последствия?
Рэй Брэдбери*

Глава 1. Белый мусор

Нет-нет, речь пойдёт вовсе не о милиционере славянской национальности. Термином «белый мусор» баклужинские изобретатели-самородки именуют материальный аналог белого шума, видимо, путая его с чистым шумом, отчего, впрочем, суть явления нисколько не меняется.

Что такое чистый шум? Если верить тем же самородкам, это особым образом взбаламученный поток информации, из которого человек с воображением способен извлечь всё что угодно: от эпохального открытия до гениального произведения. Взять, к примеру, оригинал шекспировского «Гамлета». Хаотическое нагромождение текста, переходящее местами в абракадабру. Однако достаточно посмотреть сноски – и нечленораздельная, на первый взгляд, строка (скорее всего, ошибка наборщика) волшебным образом проясняется, обнаруживая даже не один, а сразу несколько глубоких, хотя и взаимоисключающих смыслов.

В итоге же усилиями комментаторов и переводчиков из общей неразберихи удалось извлечь трагедию, служащую по сей день непревзойдённым образцом данного сценического жанра.

Примерно так же обстоит дело и с белым мусором.

Известно, что, разобрав и собрав подряд несколько бытовых приборов (наименования указываются разные, но в каждом списке обязательно присутствует механический будильник), вы неминуемо получите определённое количество лишних деталей, каковые надлежит сгрести вместе и тщательно перемешать. Так добывается белый мусор высшего качества. Если исходный материал подобран правильно, вам не составит особого труда соорудить из имеющихся запчастей небольшой вечный двигатель первого рода.

Будет ли он работать – вопрос второй. Тут всё зависит от интуиции умельца. Главное, как утверждают знатоки, сочленять деталь с деталью бессознательно, по наитию. Успех чаще всего сопутствует новичкам и виртуозам. Механики средней руки, отягощённые почерпнутыми из учебников предрассудками, обычно терпят неудачу.

Оккультисты объясняют эту странность вмешательством низших потусторонних сил, чьё неистребимое любопытство давно стало притчей во языцех. Привлечённый очевидной нелепостью конструкции, барабашка пытается уразуметь, как оно вообще может крутиться, и зачастую, увлечшись, действительно запускает машину в ход. Подобную трактовку одинаково трудно и подтвердить, и опровергнуть. Будем считать, что оккультистам виднее.

* * *

Змеиное шипение в сенях заставило Андрона Дьяковатого поднять голову и прислушаться. Шипела жена.

– А ну-ка вон отсюда со своими чемоданами! Убери ногу! Убери ногу, я сказала!..

Андрон нахмурился, положил карандаш на незавершённый эскиз противовеса и, встав, пошёл на звук. Агата Георгиевна отпихивала от порога кухни хрупкого низкорослого субъекта, чьё отчаянное отрешённое лицо показалось Дьяковатому смутно знакомым. А в сенях и впрямь стояли два старых огромных чемодана, перехлестнутых ремнями.

– Ну? – недружелюбно спросил Андрон. Настроение у него было скверное. Не без причин, понятно.

– Вот! Припёрся! – визгливо сообщила супруга. Таиться уже не имело смысла.

Незванный гость убрал ногу, с помощью которой он не давал захлопнуть пухлую обитую дерматином дверь перед своим бледным хрящеватым носом, и заискивающе улыбнулся хозя-

ину. Зрелище не совсем приятное, поскольку нижнюю губу он при этом подвернул, чтобы прикрыть плохие зубы, а верхнюю вздёрнул, чтобы обнажить хорошие.

– Заходи, – решил Андрон.

– Тебе что, двух штрафов мало?.. – заголосила Агата Георгиевна – и смолкла, убитая тяжёлым взглядом мужа.

– Иди обед готовь, – не повышая голоса, сказал ей Андрон.

Жена заплакала – и пошла.

– Заходи, – повторил Андрон.

Помощи предлагать не стал. Сам дотащит.

Пока гость, пристанывая от натуги, волок чемоданы в хату, хозяин, как бы от нечего делать, приостановился у окна и отстранил занавеску. Отцветала сирень. За штакетником по травяной обочине крался на цырлах, заноса детский марлевый сачок над бабочкой-лимонницей, встрёпанный седенький Аксентьич, в прошлом удачливый политик, а ныне относительно безобидный деревенский дурачок. Несмотря на многочисленные странности, Аксентьича в Колдобышах уважали и побаивались. Даже имени его никто не помнил – обращались исключительно по отчеству.

– Ох-х... – с облегчением выдохнули сзади.

Андрон обернулся. Оба чемодана уже лежали посреди горницы. Кивком предложил откинуть крышки. Как и следовало ожидать, внутри обнаружился мелкий механический лом.

– И что это будет?

– Было... – хриловато поправил ещё не отдышавшийся полужнакомец. – Понимаете, попал в аварию... багажник и всё, что в багажнике, – всмятку... ну и вот... восстановить бы...

– Про аварию другим расскажешь, – отозвался невозмутимый Андрон, прислушиваясь краем уха к всхлипам на кухне. – Что конкретно собрать? Если движок – зря тащил. За движки сейчас гоняют...

– Нет-нет, – испуганно сказал гость. – Зачем же движок?

– А что?

– Да вот... машинку бы...

– Ну это запросто, – равнодушно изронил Андрон. – Ближнего прицела, небось?

– Дальнобойную... можно даже одноразовую... – выдавил гость, явно опасаясь, что после таких слов выставят неминуемо. Вместе с чемоданами.

Страхи его, однако, не сбылись. Андрон задумчиво почесал переносицу.

– А на кой она тебе?

– То есть как? – растерялся владелец белого мусора.

Так и не получив внятного ответа, Андрон подошёл к ближнему чемодану и присел перед ним на корточки. Взял в корявые пальцы шестерёнку, повертел.

– За кого голосовал? – неожиданно спросил он.

– Ни за кого, – виновато признался гость.

– А я вот за Портнягина... – удручённо молвил Андрон. – Вишь как оно всё обернулось... Не можешь быть свободным – научат, не хочешь – заставят! Движок с платформы снять велели, буду теперь на парусную тягу переделывать.

– Платформу? – тихонько ахнул гость. – Железнодорожную?

Очень, видать, хотел понравиться хозяину.

Однако угрюмый Андрон, судя по всему, его не услышал.

– Через пару деньков загляни, – велел он, бросая шестерёнку в общий хлам и поднимаясь с корточек. – Расценки знаешь?

Тот заверил, что знает, и с видимым облегчением поспешил откланяться. Видимо, и сам не ждал такой удачи. Оказавшись за калиткой, остановился перевести дух. Таксист, как и договаривались, ещё не уехал. Возле скамьи бродила курица и нежным трепетным голосом про-

силась в лапшу, а неподалёку встрѣпаный седенький старикашка с детским сачком в руках неистово вминал каблуком в грунт какое-то, надо полагать, вредоносное насекомое.

Медведку, что ли, топчет?

Да нет, не медведку – бабочку.

Почувствовав, что на него смотрят, старичок обернулся, удивив наблюдателя выражением яростного ликования на морщинистом рыльце.

– Ну они у меня в будущем попрыгают! – потрясая сачком, злорадно пообещал он. – Демократы хреновы!

* * *

Когда за нежелание продать торговую точку Дмитрий Уаров вторично получил по голове, с ним что-то, видать, случилось. То ли мозги ему слегка повредили, то ли потом в палате успокоительным перепотчевали, только вместо того, чтобы испугаться, он вдруг задумался. Точку, правда, продал, но как-то машинально, без сожаления. Притих, приобрёл привычку бродить по городу, беседуя вполголоса с самим собой. В иные времена таких провожали жалостливыми или насмешливыми взглядами, теперь же на Уарова посматривали с завистью, не в силах понять, где спрятан сотовый телефон с пешеходной гарнитурой.

Замечено, что постоянное общение упрощает психику. Одиночество же усложняет её до полной невозможности общаться. Вы не поверите, но для такого добровольного робинзона каждое слово начинает означать то, что оно означает. Скажешь ему при встрече: «Ну и как твоё ничего?», – а он-то и впрямь примется толковать о зряшности жизни. И ладно бы если только своей!

Или, допустим, поделишься с ним умилением, что вот-де наш православный боксёр, выходя на ринг, перекрестился перчаткой, – а этот урод возьмёт да и прицепится: подставляя ли тот во время боя левую щёку, получив по правой, как подобает христианину?

За внешностью Уаров ещё следил, за здоровьем – перестал. Брился ежедневно, а вот к стоматологу уже подзабыл дорожку.

Самой сообразительной, естественно, оказалась жена: быстро уяснив, что к чему, незамедлительно перевела недвижимость на своё имя, чего Дмитрий, кажется, не заметил. Как, впрочем, и многого другого.

Грянувшие вскоре исторические события застали Уарова на улице. Распад Суловской области, позиционная гражданская война, выборы первого Президента Суверенной Республики Баклужино – всё это происходило при нём, но в памяти как-то не откладывалось. Слонялся, бормотал. Сидишь, бывало, на баррикаде, а он станет аккурат на линии прицела – и смотрит, смотрит, пока у тебя щекотка в указательном пальце не начнётся. Потом махнёт безнадёжно рукою и побредёт дальше.

Как уцелел – непонятно.

Потом добро восторжествовало, из окон первых этажей исчезли мешки с песком, легендарный бронетрамвай занял нынешнее своё место на пьедестале – и в голове Дмитрия Уарова тоже вроде бы слегка развиднелось. Очнулся, начал скупать подержанную бытовую технику. Неизвестно, до чего он там додумался, но в решительных скорбных глазах его отчётливо читался приговор самому себе и всему человечеству.

Живи он в эпоху драконовских законов термодинамики – и чёрт бы с ним! Теперь же, после незамеченного Дмитрием государственного переворота, когда чудес стало чуть ли не больше, чем явлений природы, ничто не мешало ударенному по голове бизнесмену обратиться за помощью к тому же Андрону Дьяковатому, на чьей совести уже висели такие чудовищные изобретения, как деноминомёт, безынерционная пуля и даже, если верить молве, подслушивающе-расстреливающее устройство, ввинчивающееся непосредственно в наушник телефона.

* * *

Минули условленные два дня.

Как прошлый раз, пройдя в незапертые сени, Дмитрий без стука (поскольку стука всё равно бы не услышали) приотворил пухлую дерматиновую дверь.

– К вам можно?

Заплаканная Агата Георгиевна, склонившись над кухонным столом, остервенело раскрывала шмат сала. В тарелке мокли серые огурцы.

– У, варвар! – заклемила она вошедшего и снова отвернулась.

Тот расценил это как разрешение проникнуть в горницу, где был неприятно поражён присутствием участкового милиционера.

– А вот штрафану третий раз, тогда узнаешь! – грозил участковый Андрону.

– Да? – развязно отвечал ему тот. – А ну-ноу не хау-хау? За что штрафанёшь?

– За движок!

– Ты что, Перфильич, с коня упал? Он и на движок-то не похож...

И впрямь, то, что бесстыдно растопырилось посреди стола, не было похоже ни на что. За одно только отсутствие кожуха невольно хотелось обвинить конструктора в порнографии. Что-то невероятно извращённое мерещилось в этом диком до цинизма сочленении разнородных деталей.

Впрочем тут вопрос привычки. Случись так, что пойдёт изделие в серию, внедрится в быт, – глядишь, со временем кому-нибудь даже покажется красивым. Нарочно начнут кожухи снимать, чтобы нутро предъявить.

– Не веришь – заказчика спроси, – предложил Андрон.

Перфильич скинул кепи (старого образца, ещё с Сусловским гербом), вытер взмокший лоб и повернулся к Уарову. Лицо у милиционера было алчущее, но усталое.

– Что вы, какой движок? – не дожидаясь вопроса, испуганно сказал Дмитрий.

– В заявлении написано было: движок! – упрямо стоял на своём Перфильич. – Как теперь отчитываться?

– Как! – передразнил Андрон. – Первый раз замужем? «Такой-то такой-то, такого-то такого-то стукнул мне, такому-то такому-то, что Андрон Дьяковатый собрал контрафактный артефакт. Проведённая мной проверка показала, что собранный механизм таковым не является...»

– А каковым он является?

– Сам, что ли, не видишь!

Участковый кашлянул и покосился на непотребный агрегат. Примерно так завязавший со вчерашнего утра алкоголик косился бы на предлагаемую соблазнителем стопку. Осмотрел, кривясь и хмурясь.

– Куда ж ты рычаг засадил? – ворчливо упрекнул он. – Руку свихнешь, пока до темпоралки доберёшься. Умелец хренов! Ладно, твоя взяла... На кухне договорим.

* * *

Ещё тогда, в горнице, скинув форменное кепи и обнажив философскую плешь, участковый Перфильич стал заметно человечнее. Дублёное неумолимое лицо его исполнилось здравого смысла и спокойной житейской мудрости. А приняв первую стопку, деревенский детектив и вовсе отмяк.

– Мало мне браконьеров с самогонщиками... – бурчал он. – Теперь ещё за тобой, Андрон, присматривай...

– Тебе-то чего жаловаться? – заметил тот, разливая по второй. – Прямая выгода...

– А хлопот сколько прибавилось?

– Ну а как ты хотел...

Если человек действительно мудр, ему одинаково близка любая идея и одинаково чужд любой способ её осуществления. Ибо нет ничего уродливее воплощённой в жизнь мечты.

Так, голосуя за давнего своего дружка, колдуна Глеба Портнягина, известный противостоиспытатель Андрон Дьяковатый даже представить не мог, чем для него обернётся Глебово Президентство. Если раньше, до обретения Баклужиным независимости, народному умельцу досаждали одни лишь недобитые академики, публично обличавшие его в шарлатанстве и невежестве, то теперь, когда нетрадиционное изобретательство наряду с колдовством было признано реально существующим, пришлось выйти из тени – прямиком под пристальное око государства.

Для начала вынудили выправить лицензию и обложили ещё одним налогом. Дальше – хуже. Оказалось вдруг, что нарушение законов природы тоже должно происходить законным порядком. Хорошо ещё участковый Перфильич доводился Андрону сватом, а то бы там не два – все двадцать два штрафа содрали.

– Ты совсем, что ли, не пьёшь? – скорее сочувственно, чем сурово, обратился участковый к Дмитрию.

– Да не то чтобы совсем... Не хочется.

– Зря. Машинку бы обмыть надо. А то работать не будет.

– Да она в черте города так и так работать не будет, – утешил Андрон.

– Как?! – ахнул заказчик.

– Так, – невозмутимо продолжал Андрон. – Это тебе с ней надо в аномальную зону, куда-нибудь на Колдушку. А в городе – не-ет, не попрёт. Я, кстати, завтра до Слиянки на платформе пойду, под парусом... Испытать-то надо... Так что, если хочешь, могу подкинуть.

– Пожалуй, я тоже выпью, – после тревожного раздумья решил Дмитрий.

– Давно бы так, – усмехнулся Перфильич, наливая. – А машинка-то тебе всё-таки зачем? Да ещё и дальнобойная! На комод для красоты поставишь?

– Почему на комод?

– А куда ещё? Я смотрю, денег тебе девать некуда...

Ответил Уаров не сразу. Выпил, закусил. Щёки его потеплели, нервозность пошла на убыль.

– Да пожалуй, что некуда... – уныло признался он. – Зачем они мне там?

Сваты переглянулись.

– А-а... – понимающе протянул участковый. – Вон ты куда метнул... С концами, значит? Ну-ну!

Уаров вздрогнул и в ужасе посмотрел на пронизательного собутыльника, однако уяснив, что тот ничего ему инкриминировать не собирается, успокоился вновь.

– Странно... – с заискивающей улыбкой (нижняя губа подвёрнута, верхняя вздёрнута) отважился он. – За движки штрафуете...

– Велено – штрафует, – насупился сват Перфильич.

– Пространство вокруг них, говорят, свёртывается, – нехотя пояснил сват Андрон. – Схлопнуться может... То, понимаешь, не схлопывалось, не схлопывалось, а то вдруг возьмёт да и схлопнется!

– Так ведь машинка-то – опаснее, – недоумевал выпивший Уаров. – Я же с ней и Президентские выборы переиграть могу, и...

– Ага! Переиграл один такой!

– А почему нет?

– Да кто бы их тогда разрешил, машинки-то!

* * *

Проводив Перфильича, которому ещё предстояло накрыть сегодня с поличным своего кума Протаску Худошапова, изобретатель с заказчиком вернулись в горницу, где посреди стола по-прежнему бросало вызов здравому смыслу механическое чудище, в просторечии именуемое машинкой.

– Чего тебе её в город тащить? – резонно рассудил Андрон, стребая в брезентовую сумку инструменты с клеймом фирмы «Русская рулетка». – Всё равно к утру возвращаться... Чемоданы, если хочешь, заberi...

– Лучше я их вам оставляю, – решил Димитрий. – Там же, наверное, запчасти непригодившиеся, ещё что-нибудь соорудите...

Андрон хмыкнул, открыл дверцу платяного шкафа, за которой висела рядком одѣжка на все случаи жизни (ветровка, штормовка, ураганка, тайфунка, землетрясенка), и определил сумку с инструментом в нижний левый угол.

– Много там чего соорудишь! – сказал он, прикрывая дверцу. – Три детальки на донышке...

– Сколько ж она тогда весит? – Димитрий недоверчиво уставился на то, что попирало собою стол, а заодно все известные законы мироздания.

– Да почти ничего, – отозвался Андрон и, подойдя к машинке, чуть приподнял её в доказательство за угол одной рукой. Потом с той же лёгкостью опустил.

– Как же это...

– Долго объяснять... – уклончиво проговорил умелец, почесав в затылке. – Тут, видишь, раз на раз не приходится. Иногда пуд железа потратишь, а в руки возьмёшь – семи килограмм не будет... Слушай, может у меня заночуешь? Я уже сегодня работать не смогу. А одному допивать – тоже как-то не по-нашенски...

– Нет-нет, – торопливо сказал Димитрий. – Собраться надо, то-сё...

– Чего там собираться-то? Рот закрыл – да пошёл!

– Ну и... прихватить кое-что...

Андрон был сильно разочарован.

– Баламуты вы! – с мужской прямоотой объявил он. – Примут по стопке – и врассыпную... Димитрий Уаров почувствовал себя неловко.

– А этот ваш кум... то есть не ваш – Перфильича... ну, кого штрафовать пошли... – начал он исключительно с тем, чтобы хоть как-то скрасить отказ. – Его – тоже за движок?

– Протаску? – пренебрежительно переспросил Андрон. – Не-ет. Протаску – за ножовки...

– За что? – ужаснулся Димитрий.

Краем уха он уже слышал, что в последнее время правоохранительными органами Баклужино предпринимались не раз попытки лицензировать садовый инвентарь. Причина заключалась в следующем: местные дачники, народ, известный своей воинственностью и неуступчивостью, согласно указу были разоружены сразу по окончании гражданской войны. И вот, ощутив себя беззащитными, они решили превратить в оружие доселе мирные сельскохозяйственные принадлежности: грабли, культиваторы, шланги. Разработали уникальную систему физических упражнений, подвели под это дело какую-то хитрую философию – и настали для мародѣров чёрные дни. Милиция, которой дачные грабители традиционно отстѣгивали часть прибыли, просто не успевала приходить на выручку своим кормильцам. Пока добирались до места (а дороги у нас, сами знаете, какие), пожилая огородница с помощью нескольких торфоперегнойных горшочков успевала положить замертво целую группу головокожих экспроприаторов.

А вот что касается нелицензионных ножовок, то о них Дмитрий Уаров, честно сказать, слыхом не слыхивал, в чём тут же и признался Андрону.

– Нет, тут другое, – растолковал тот. – Живём-то, почитай, на краю аномальной зоны, сотовая связь, сам понимаешь, никудышняя. Как ни достанешь мобилу – он сеть ищет...

– Да, но... пилы-то тут при чём?

– Ещё как при чём! Ты слушай... Берёшь вместе сотик и ножовку, сжимаешь покрепче, чтоб плотней друг к другу прилегли, – вот тебе и добавочная антенна. Чик – и ты уже в сети! Ни разу, что ли, так не делал?

– Нет...

– Темнота городская! Показал я Протаске, как зубцы под определённую сеть затачивать. А закладает он крепко. Ну и вот... Позвонил ему кто-то по пьяному делу, поговорили нормально, хотел он дать отбой – смотрит: а в руке-то у него одна ножовка. Без сотика, прикинь... Ну и народ мигом всё усёк. Не поверишь: с двуручными пилами наострились в сеть выходить! Телефонов никто не покупает – знай зубцы разводят да перетачивают. А производителям-то это в лом! Думаешь, за движки почему гонять начали? Энергетики ментов натравили...

– А-а... – зачарованно протянул Дмитрий. – Вот оно что! Стало быть, и здесь экономика...

– Ну! А я тебе о чём? Никто никого на бабки не сажает, значит, считай, всё дозволено...

* * *

В сенях Дмитрий снова столкнулся с Агатой Георгиевной и вежливо с ней попрощался. К своему удивлению, обидных слов он в ответ не услышал.

– Выпьет – мужик мужиком, – со вздохом поделилась она, смахивая слезинку краешком фартука. – А трезвый – зверь. Ничего, кроме железяк своих, не видит. Аж подходить к нему боязно. Ты уж завтра утром не запаздывай – он этого страсть не любит...

Дмитрий растерянно поблагодарил хозяйку за добрый совет и вскоре очутился за калиткой, где его давно уже поджидал бывший политик, а ныне деревенский дурачок Аксентьич.

– Далеко собрались? – как бы между прочим осведомился он, отряхивая радужную пылицу со штанины. Верный его сачок был прислонён к штакетнику.

– В смысле?

– В смысле, в смысле... – уличающе покивал Аксентьич. – Насколько понимаю, вы ведь не движок, вы машину времени заказывали?

– Н-ну... д-да... А вам-то, простите, какое дело?

– Попутчик нужен? – прямо спросил бывший политик.

– Куда?

– В прошлое.

– Господи! – сказал Дмитрий, изумлённо глядя на престарелого авантюриста. – И вы туда же?

Морщинистое рыльце просветлело, голубенькие глазёнки увлажнились.

– Всех бабочек там потопчу... – мечтательно выдохнул Аксентьич.

– И что будет?

Отставной трибун очнулся от грёз, оделил невежду сердитым взглядом.

– Диктатура будет, – известил он, строго поджимая губы. – Наша справедливая диктатура. Не сразу, правда. Через миллион лет. Примета такая. Как растопчешь бабочку, так через миллион лет диктатура...

– Не возьму, – решительно сказал Дмитрий.

Старикан молча подошёл к штакетнику, забрал сачок. Повернулся, загадочно просиял глазами.

- А я про вас куда следует сообщу, – ласково пообещал он.
- Да вы уж, по-моему, сообщили.
- Ещё раз сообщу. Только уже не участковому – вы сейчас водку с участковым пили...

Глава 2. Отрицалы и положили

До станции Обум-Товарный, где в одном из тупиков временно приткнулась парусная платформа Андрона Дьяковатого, их доставил на своём пикапчике тот самый Протаска Худощапов, что затачивал и разводил пины под сотовую связь. Димитрий хотел полюбопытствовать из вежливости, удалось ли вчера заточнику избежать штрафа, но, когда выезжали из Колдобышей, оглянувшись, увидел собачку. Лохматая, белая, просвеченная солнцем насквозь, почти до крохотного своего сердечка, она стояла возле бетонного столба и смотрела им вслед.

«Последний раз вижу, – внезапно осознал Димитрий. – Собачку, столб, деревню...»

Осознание отозвалось предобморочной слабостью. Вдобавок сработала дурная привычка, приобретённая Уаровым ещё во времена его уличных блужданий: чуть что, прятать голову в философию. Пока ехали до Обума-Товарного, Димитрий успел измусолить проблему как минимум с двух точек зрения. Если каждое мгновение неповторимо, то, куда ни посмотри, видишь всё в последний раз. Если же сосредоточиться на том, что он, Димитрий Уаров, уходит навсегда, то собачка, при всей её трогательности, далеко не последнее из увиденного. Вряд ли парусная платформа обладает высокой скоростью. Стало быть, ещё насмотримся.

Предобморочная слабость исчезла, зато грусть сделалась куда пронзительней. Вот почему никогда не следует слушать тех, кто, видя ваш печальный облик, советует отнестись ко всему философски. Они сами не знают, что говорят. Философия способна лишь приумножить скорбь, но ни в коем случае не приуменьшить. Лучше уж выпить водки и получить от кого-нибудь по морде.

Тем временем добрались до места. Андрон велел родственнику (Протаска доводился ему свояком) подогнать пикапчик впритык к железнодорожному одномачтовику. Втроём они быстро перенесли привезённый груз на палубу, после чего водитель, пожелав попутного ветра, уехал, а капитан с пассажиром стали ждать обещанного.

Ждать пришлось до одиннадцати. Уаров сидел на гряде скомканного брезента, видимо, предназначенного стать парусом, и без интереса рассматривал круглую сквозную дырку в настиле – отверстие для одного из четырёх болтов, которыми в былые времена крепился демонтированный ныне вечный двигатель или, как его называют в здешних краях, движок.

Рангоутное оснащение платформы состояло из короткой мачты по центру и косога латинского рея. В целом конструкция сильно напоминала деревенский колодец системы «журавль» и, очевидно, была позаимствована с картинки, изображавшей венецианскую галеру.

– Независимость... – ворчал Андрон, воздевая смоченный слюной палец, в надежде уловить первое дуновение. – Раньше посмотришь, какая погода в столице, и уже точно знаешь, что денька через два и до нас доберётся... А теперь хрен поймёшь. Одни на повышение температуры играют, другие – на понижение...

Потом воздух всё-таки шевельнулся – и Димитрию пришлось не только встать с брезента, но и принять самое деятельное участие в подъёме паруса. Серое в заплатках косое ветрило долго хлопало и сопротивлялось, потом наконец вздулось, напряглось, однако платформа по-прежнему пребывала в неподвижности. Андрон спустился по железной лесенке на землю, с минуту отсутствовал, затем настил под ногами дрогнул.

– Поберегись... – послышалось из-за борта, и на платформу со стуком упал тормозной башмак.

* * *

Ошибся Андрон с пассажиром, крепко ошибся. Когда ковыляешь по заброшенной железнодорожной ветке на парусной платформе, чем ещё заняться, кроме разговоров? Кроме того каждому ведь хочется, чтобы кто-нибудь со стороны восхитился его работой. Димитрий же Уаров безмолвствовал. Даже удивления не выразил, что этакая махина и вдруг движется под парусом. Хотя, с другой стороны, подобное равнодушие можно было истолковать как безоглядную веру в талант и мастерство умельца: чему дивиться-то? У него и асфальтовый каток курсом бейдевинд пойдёт.

А всё же досадно. Как-никак под каждый угол платформы по девальватору засобачил. Некоторые ошибочно именуют такие устройства антигравами, но это они по незнанию. Земное тяготение тут вообще ни при чём. Речь идёт именно о девальвации единиц измерения, загадочной аномалии, зачастую возникающей самопроизвольно и, что уж совсем необъяснимо, усиливающейся по мере удаления от культурных центров. Физики, во всяком случае, так и не смогли разобраться, почему это на столичных рынках один килограмм весит в среднем девятьсот девяносто четыре грамма, а в провинции – всего девятьсот восемьдесят пять.

В полдень миновали Баклужино, оставив его по правому борту. Постукивали гулкие колёса, над покатым зелёным холмом громоздилась северная окраина столицы. Высотные здания плыли подобно надстройкам океанских кораблей, с величавой неспешностью разворачиваясь и обгоняя друг друга.

– Вот совсем достанут, смастрячу трёхмачтовый бронепоезд, – мрачно пошутил Дьяковатый. – Наберу команду – и под чёрным флагом на Колдушку...

Уаров не улыбнулся. Скорее всего, просто не расслышал, что было сказано. Обесмыслившимися глазами он созерцал маленькую трагедию, разыгравшуюся в десятке шагов от насыпи. Там на двухметровой высоте завис, чуть пошевеливая широкими раскинутыми крыльями, ястреб. А может, и сокол – поди их различить! Кто-то, короче, хищный. А под ним, не зная, куда деться, метался обезумевший от страха воробей. Ну и дометался – сам в когти влетел.

Скривив рот, Димитрий повернулся к Андрону.

– Вот она, природа-то, – почему-то с упрёком молвил он. – Красота, кричим, красота! А приглядишься – взаимопожиралово одно. Ястреб – воробышку, воробышка – кузнечика, кузнечик... тоже, наверное, тлю какую-нибудь... Всё-таки хорошо, что я неверующий, – неожиданно заключил он ни с того ни с сего.

Ну слава те Господи! А то уж Андрон начинал опасаться, что спутник его так и промолчит до самой Слиянки.

– Кому? – ухмыльнулся шкипер.

– Что «кому»?

– Кому хорошо?

Пассажир тревожно задумался.

– Всем, – решительно сказал он наконец. – Понимаете... Будь я верующим, я бы возненавидел Творца. Основал бы наверняка какую-нибудь богоборческую секту...

– Чем же это Он тебя достал?

Несостоявшийся богоборец беспомощно оглянулся, но за кормой (видимо, так теперь следовало величать заднюю оконечность платформы) не было уже ни ястреба, ни тем более воробья.

– Ладно, – разом вдруг обессилев, выговорил Димитрий. – Допустим, согрешил человек. Что-то не то съел. Ну вот нас и карай! Но весь мир-то зачем? Того же воробышку, скажем... Или он тоже какое-нибудь там запретное зёрнышко склевал? А ризы кожаные?

– Какие ризы?

– Ну, когда Адам с Евой согрешили и листьями прикрылись, Бог им потом кожаные одежды сшил. Я ничего не придумываю, так в Писании сказано! Но раз сшил, значит с какого-то зверя шкуру содрал... Стало быть, убил. За что?

Теперь призадумался Андрон. Морально-этическая сторона вопроса не слишком занимала изобретателя, однако найти контраргумент он всегда полагал делом чести. Именно так и завязываются зёрнышки открытий.

– Почему обязательно убил? – поразмыслив, возразил он. – А змей? Господь ему как сказал? «Проклят ты перед всеми скотами, будешь ходить на чреве...» Значит, лапы пообрывал – за соблазн... Наверно, с лап кожу и взял... – Хмыкнул, покрутил головой. – А вот прикопай они тогда огрызок, – сокрушённо добавил он, – глядишь, жили бы мы сейчас в раю. Всё оно, разгильдяйство наше баклужинское. Хоть бы урок какой извлекли! А то выйдешь в пойму – опять овраги мусором завалены... Зла не хватает!

Поворот подкрался незаметно. Повизгивая колёсами, платформа рыскнула, брезент неистово заполоскал, забился. Еле усмирили.

– Ну вот как в Него такого верить? – задыхаясь, проговорил Димитрий, когда парус совместными усилиями был установлен в новом положении. – Нет, уж лучше естественный отбор...

– Ты ж, говоришь, неверующий... – поймал его на слове Андрон.

– Ну да... неверующий...

– А в естественный отбор?

– Да нет же! – с тоской отвечал Уаров. – Естественный отбор... Его нельзя ненавидеть, понимаете? Это бессмысленно, это всё равно что ненавидеть таблицу умножения...

– Так ты ещё и в таблицу умножения веруешь? – подивился Андрон. – Плохи твои дела... Знаешь, ты кто? По-нашенски говоря, отрицала ты.

– А вы?

– А я – положила...

– Это как, простите?

– Ну, отрицалы – это которые всё на словах отрицают. Спорят, доказывают...

– А положили?

– Эти не спорят. Эти – молча. Что хотят, то и делают...

– А-а... – сообразил Димитрий. – Девальватор, например, машину времени...

– Во-во!

* * *

Новостройки окраины помаячили за кормой и сгнули, заслонённые дубравой. Пошла степь.

К двум часам дня ветер опять ослаб. Андрон, бормоча ругательства, уже несколько раз вылезал и что-то подкручивал на ходу то в одном, то в другом девальваторе, выжимая из хитроумных устройств всё возможное. Теперь, по его словам, каждый килограмм платформы весил не более десятка граммов, и тем не менее парусник плёлся по расшатанным рельсам со скоростью усталого пешехода.

– Да нехай катится, – решил наконец Андрон, снова забираясь по лесенке на палубу. – Давай-ка перекусим, пока тихо...

Из рюкзака был извлечён солидных размеров термос, свёртки, пакеты. Димитрий испугался, что следующим извлечённым предметом окажется бутылка, но, к счастью, ошибся. Видимо, Андрон, если и брал в поход спиртное, то исключительно на крайний случай.

– Значит, говоришь, зверушек любишь... – вернулся он к прерванному разговору.

– Раньше любил... – со вздохом ответил Уаров, принимая кружку с горячим чаем.

– А теперь?

– Теперь уже не так. Ничем они нас не лучше. Только и знают, что друг друга хрумкать.

– Как воспитаны, так и хрумкают, – утешил Андрон.

Уаров не донёс кружку до рта и недоверчиво посмотрел на собеседника.

– При чём тут воспитание? – спросил он, моргнув. – Хищник он и есть хищник. Не зря же говорят: сколько волка ни корми... Такой же закон природы, как... ну, скажем, закон всемирного тяготения...

А вот подобных слов при Андроне Дьяковатом произносить не следовало. С законом всемирного тяготения у самородка были особые счёты. Взбился, отставил кружку.

– Слышь! – презрительно выговорил он, подаваясь к Димитрию. – Да ты хоть знаешь, откуда он взялся, этот твой закон? Мало того, что сами всё вниз роняем, ещё и детишек тому же учим. «Бух! – говорим. – Бух!» А младенчик верит. Вот тебе и тяготение...

Андрон был настолько грозен, что Уаров мигом уяснил всю глубину своей бестактности. Ну что это, вправду, за свинство такое: сам едет на парусной железнодорожной платформе – и сам же толкует о каких-то законах природы! Если на то пошло, природа сама нарушает законы природы – одним только фактом своего существования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.